

(Истомин Степан Иосифович. 1921- 1970 г.г.)
Директор Далматовской средней школы 1952-1970 г.г.

Немного биографии

Родился Истомин Степан Иосифович в 1921 г. в с. Одино Шадринского района. Праздновал два дня рождения 21 и 26 декабря, по паспорту и по дню со слов мамы Натальи Ивановны. Учился в Шадринске. Из него же ушел на фронт, служил авиационным техником.

После ранения попал в госпиталь в Донбасс, где женился на Щербаковой Надежде Ивановне. В 1947 г. родился я. В 1951 г. из голодного Донбасса (в с. Тошковка умерли от голода почти все мои сверстники. Я выжил только потому, что у нас была коза.) семья уехала в Зауралье. Поселились в Далматово. Сначала жили в доме по ул. Советской (двухэтажки напротив бывшего Дома пионеров), затем прямо в новой школе (это ср. школа №1, напротив музея), в левом от ул. Советской крыле, потом построили свой дом (внутри нынешнего двора напротив вокзала, где до сих пор, возможно, стоят наши тополя, под которыми пенсионеры играют в домино), и, наконец, в доме по бывшей ул. 4-го Ур. Полка.

Школа. Вначале школа была в здании бывшего Дома пионеров (возле площади). Новая школа, теперь ср. шк. №1, была полностью выстрадана моим отцом. Очень долго он искал место. Выбрал самое лучшее. Мы с восторгом на уроках смотрели в окно на весенний ледоход и открывающиеся из окна дали до с. Затеча. Любостью отца был сад, заложенный возле крыльца школы. А земля в сквере напротив школы и до сих пор хранит тепло рук и сердец выпускников, сажавших там памятные саженцы. Только где они теперь?!

Жизнь школы во время директорствования отца жила удивительной жизнью. Тут надо сказать вот о чем. Во время моей учебы в школе я знал отца в двух лицах. Дома он был мне отец. В школе я видел в нем только директора. Мне ничуть не казалось, что этот мужчина - мой отец. Так вот, школьная жизнь в те времена была удивительна. Я могу только перечислить: туризм, фестивали, балы, кружки, спортивные праздники, посвящения, выпускные торжества, и еще много другого, что проводится, возможно, и ныне, но атмосфера была сказочная.

Ребятня жила школой. Сам С.И. увлекался спортом, играл во все виды игр, бегал на лыжах. Привлек в школу молодого учителя, Сулионского Петра Васильевича, который поднял спорт в школе до областной высоты. Учащиеся ДСШ выигрывали почти все областные соревнования. Сейчас это трудно представить, но девочки ходили на уроки физкультуры в гимнастических костюмах! И было совершенно естественно, что по школе бегали в купальниках уже взрослые девушки.

Представимо ли это теперь?!

Михалева А.А.

Эта удивительнейшая женщина подняла культурный уровень города до высот, с которых, думаю, до сих пор он не сошел вопреки нынешним временам.

Буракова М.Д. не могла бы стать тем корифеем математики, чье имя до сих пор выгравировано золотом в Курганском пединституте, если бы не чувствовала свободы в своих методических поисках....

Не могу не написать о таком случае. Переехав на Алтай, впервые попал в г. Горно-Алтайск. Случайно зашел в национальную школу, стал подниматься по лестнице на

второй этаж, и вдруг сердце замерло. Я шел по своей школе! Те же повороты, те же окна и те же (!) брякающие ступеньки! И тот же зал на втором этаже! Школа была построена по тому же типовому проекту, что и ДСШ, потому даже ступеньки брякали тем же голосом!

Мастерство. Помню, когда сам уже несколько лет работал заместителем по учебной работе, однажды обнаружил среди тетрадей его тетрадь с анализами посещенных уроков. Был поражен краткостью и емкостью характеристик уроков учителей.

Про Буракову М.Д.: "Шедевр! Анализ не подлежит!".

Про уроки Михалевой А.А.: "Не урок- поэма!".

Про урок практикантки: "Зря пришел. Она сама все знает!".

Про неудачный урок: "Л.А. температурит, но вожжи не отпускает".

Диагноз: "В классе есть все, кроме учителя!".

Или еще: "Урок отлажен так, что учительнице можно поспать". Иногда на полях было отмечено: "Отставание на 3 (четыре, пять, ...) урока. Проверить по программе".

Т.е. директор владел программами настолько, что мог в уме просчитать опережение или отставание по отдельным предметам! Говорят, что он мог провести уроки в любых классах по многим предметам программы.

Как-то меня, молодого завуча, одна из опытных учительниц попросила провести вместо нее урок по математике в пятом классе. Я был удивлен ее просьбой.

Учительница же погрузилась и сказала: "А отец твой провел бы, не поморщившись!".

По математике. А ведь он был гуманитарий! Удивительным было влияние на учительский коллектив. Рассказывали, что утром приходил в учительскую, садился в уголок и смотрел на пасмурную невеселость готовящихся к уроку учителей.. Перед самым звонком на урок неожиданно говорил: "Что-то, коллеги, не вижу в глазах энтузиазма!" Все сразу как будто обо что-то запинались, просыпались и уже до самого класса с улыбкой вспоминали это замечание. Отец очень хорошо понимал недостаточность количества предметов, ведущихся в школе, а также необходимость таких дисциплин, как логика и риторика. За то, что он самостоятельно ввел эти предметы в школу, ему попало крепко. А сегодня они изучаются как одни из необходимейших! Отец был с искрой в глазах. Верю, что большинство учителей уважали и уважают его до сих пор именно за искру. Глядя на него, невольно начинаешь делать то, что он предлагает.

Эта восторженность, редкая и неожиданная, свойственна далеко немногим. Она увлекает. Он был умен. Это я понял намного позже, чем надо бы. Это проявлялось тогда, когда он соперничал. Не лез в душу. Он был рядом. Это не понималось, но чувствовалось. Помогало, поддерживало. Иногда раздражало. И то только потому, что хотелось делать так же, но не получалось.

Увлечения. Отец играл на гитаре, пел. Слух у него был близок к идеальному. Были случаи, когда он уходил от радиоприемника, или от телевизора только потому, что не мог перенести фальшивой игры или пения. Собирал старые пластинки. Особенно, помню, его поразила "Песня петушка" южноамериканского автора. Думаю, что далеко не каждый смог бы уловить суть этого произведения, но у отца это происходило естественно.

Чувство красоты и романтики присутствовало во всем, чем он занимался.

Когда они пели вместе с мамой, то мы сестрой переставали играть, и слушали по своим углам, как мама чистым голосом вела мелодию, а папа вторым голосом украшал ее. Очень любили петь украинские песни. Мама знала их много, и когда заводили "Ничь яка мисячна, зоряна ясна...", отец переставал играть на гитаре, и была слышна лишь мелодия. Живя в Донбассе, он учил украинский язык. Он любил мягкие переливы украинской мовы. Легко понимал речь, хотя говорить

затруднялся. Много читал. Не просто много, а очень много! После ранения на фронте, а ранение было в голову, он почти не спал по ночам. Потому всегда на ночь перед кроватью стояла стопка книг. Утром он уносил ее в школу! Видимо поэтому библиотека в школе была достаточно большая. Любил рыбалку. После него осталось настолько много рыбснастей, что я у себя на Алтае до сих пор пользуюсь его блеснами, крючками, мотовильцами, мормышками, спиннингом и прочей рыбачьей снастью. Считал, что дни, проведенные на рыбалке, господь Бог в счет жизни не засчитывает. Охотничал не так уж и много, но ружье, а это двуствольная курковая испытанная "Тулка", всегда было вычищено, смазано и готово к охоте. Самое главное, чем его привлекали охота и рыбалка, это возможность побыть ненадолго в компании, где можно было без конца острить, наслаждаться байками и отдыхать душой.

Характер. С детских лет среди многочисленной родни отец был самым бедовым. Братья, Потап и Максим, были спокойными, усидчивыми. Сестры Лида, Орина и Тася были спокойными, умненькими. Тася, правда, тоже была бедовой, но слабее отца. Про отца говаривали, что усидчивости не было совсем. Всегда остроумный и находчивый, он был лидером. Компания друзей без него резко скучнела и свистела под окнами до тех пор, пока мать, Наталья Ивановна, не вытерпев, сообщала в форточку, куда убежал Степан. В студенческие годы, в Шадринском учительском институте (училище), сокурсники отмечали его предельную серьезность на занятиях и бесшабашную удаль вне занятий.

А уж праздники были его коньком! Его выдумки хватало на всех с избытком.

Розыгрыши были настолько же неожиданными, насколько безобидными и добродушными. Эти же черты характера проявились и в годы работы директором. Всегда был душой компании. В то время было принято отмечать праздники и просто выходные на природе, например, на берегу реки.

Мы, ребяташки, с удовольствием играли вместе со взрослыми в те игры, какие были интересны в то время.

Отец любил городки, которые не требовали особых мест и инвентаря. Помню, что нередко на природе мужчины несколькими взмахами топора изготавливали биты и чурки для фигур и часами сражались, выкрикивая слова "Ну-ка, Степан, погладь Ванюшу по головке!", "Степан, промажь, дай другим поиграть!" и т.д. Бывал грозен. Имел свойство подчинять себе. Детей, а нас двое, я и моя сестра Ирина, воспитывал строго, хотя и очень любил.

Я и сам сейчас такой. Но тогда боялся его.

Отец допоздна был в школе, потому свободного времени на нас оставалось мало.

Мама, Надежда Ивановна, работала фельдшером в райбольнице, и чаще всего с нами бывала она. Хотя отцовское воспитание было косвенным, мы чувствовали его внимание постоянно.

Из воспоминаний о Донбасском времени.

Хвостик. Из далекого, Донбасского, детства помню, как мы с отцом ходили к нему на работу в школу. Он срывал пруттик, и я ходил за ним сзади как хвостик, держась за ветку. Помню воронки и горы земли от взрывов, черные разбомбленные дома, пустые окна... и белые мазанки. Побеленные дома выглядывали из садов, и было радостно видеть их среди развороченной земли. Остались фотографии классов тех лет, в которых работал отец. Лица светлые и радостные. Это всего лишь несколько лет после войны!

Драка. Как-то мы рассорились с соседским мальчишкой и устроили драку. Бились крепко. Я заметил, что отец стоял возле калитки и молча смотрел на драку, не

говоря ни слова и не пытаясь прервать драку. Позднее он говорил: "Сосед старше, но мой сын не слабее! Только дрались неинтересно".

Далматово.

Мена.

Как-то я в порыве восхищения обменял что-то из одежды на перочинный ножик. Отец узнал и устроил мне взбучку. "Не меняйся, не зная цены!" До сих пор помню вывод: вещи имеют разную цену!

Как-то весной.

Мы сбежали с уроков на половодье. В шестидесятые годы половодье в Далматово было, не побоюсь так назвать, праздником. Не для тех, конечно, кто жил на берегу. Но остальное население города стекалось к деревянному мосту, потому что предполагалось взрывать лед. Мост был деревянный, его защищали деревянные быки, потому угроза сноса моста была немалой. Милиция не пускала на мост, хотя падающие обломки льда падали куда попало. Но люди облепляли и мост и дамбу, стояли на берегах, мальчишки влезали даже на деревья. Вода заливала все заречные поля до самой Затечи, низины, где сейчас находится базар и стадион. Иногда доходила до нынешнего кафе-столовой. И вот общий вздох толпы направлял все взоры на человека, который садился в лодку, бросая туда тол, веревку, шнур и лом. Выбравшись на льдину, или скопище льдин, которые упиралась в быки, человек долбил лед, опускал взрывчатку в лунку, поджигал шнур и бежал к лодке. Волнение в толпе резко усиливалось. Шнур дымил, а лодка очень медленно уходила от места взрыва. Успеет? Не успеет? И вот резкое уханье поднимало столб воды и льда вверх. Все, задрав головы, следили за летящими ледяными глыбами, комментируя, куда они летят и куда попадают. Глыбы падали и на мост, и на дамбу, помню случай, когда одна из них рухнула прямо на дом, стоявший довольно далеко от реки. Восторгам не было предела. Наступало ожидание следующего взрыва. Ребятишки в это время находили небольшую льдину, не зажатую основной массой, но имевшую возможность перемещаться на небольшое расстояние. Забравшись на нее, кольями и досками заставляли ее двигаться, испытывая при этом восторженную радость. В этот раз и мы решили покататься на льдине. Но лед неожиданно тронулся, и льдина решила отправиться в путь. Нас отчаянно спасали, спасли и отправили в школу на перевоспитание. Впервые я испытал ужас, увидев глаза моего отца, директора школы. Что испытал он, я не знаю, но я был в шоке.

Не помню слов, но помню его глаза.

Не пел бы - не арестовали б. Мы копали грядки в огороде. Вдруг слышу, на улице мужчина поет под гармошку. Мне стало радостно, потому что такое веселье исходило от мужика! А он шел, играл на гармошке и весело так, свободно пел. Я такое слышал впервые. Чтобы человек шел по улице и пел?! Я закричал - Пап, смотри, дяденька поет! Ему хорошо? - Сейчас увидим, - ответил отец, но в глазах у него радости не было совсем. Через пару минут подъехала милиция, и мужика запихали внутрь воронка. - Не пел бы - не арестовали б! - со злостью сказал отец и ушел в дом.

На охоте. - Когда будут стрелять, отвернись от озера - сказал мне отец, уходя к месту охоты.

Утки плавали по озерку, было холодно, костер еле горел. Я натянул ватные штаны, подпоясал фуфайку ремнем и, отвернувшись от озера, наклонился над котелком, собираясь выудить и съесть картошину. Вдруг по моему задку, как град по асфальту, защелкало что-то. Ошарашенно обернувшись, я услышал выстрел и, ничего не поняв, снова склонился над котелком. Раздался шелест травы, и из камыша вылетел отец. - Ты жив? Посмотри на меня! - ??? - Повернись! Потом отец долго молча курил. Но когда вернулись охотники, отец подошел ко мне, повернул меня спиной ко всем,

и спокойно сказал:- Узнаю, кто, убью! Я тут же снял штаны. На заднем месте из тех мест, куда попали дробинки, торчали беленькие кустики ваты.

С охоты. Мужики злые, удачной охота не получилась. Впереди, прямо на дороге сидели голуби. Стали прямо из кузова палить по птицам. Когда дым рассеялся, пошли подбирать трофеи. Кто-то, подняв голубя и увидев на перьях капли крови, процитировал: "И вы не смаете всей вашей черной кровью голубки пламенную кровь!". Отец хмыкнул:- Это не кровь, это слезы наши!

В Челябинске. Отец поехал со мной в Челябинск. Я против его желания решил поступать в политехнический институт (нынешний университет) на строительный факультет! Отпрыск, всю жизнь слышавший дома лишь про школу и больницу, решил стать строителем. Осмотрев общежитие, здание института, отец решил, что пора и домой. - Трудновато тебе будет.- Ерунда, у меня же медаль, всего один экзамен, физику я знаю!- То, что ты поступишь, это несомненно. Только недолго тебе здесь учиться. Если что, приезжай, что-нибудь придумаем... Так и получилось. Поступил и учился я без особого труда, но очень быстро понял, что портланд - цемент не для меня, т.е. я не для него. Ушел в самодеятельность, приняли в ансамбль, это стало важнее, и..... и отцу пришлось устраивать меня туда, куда он и хотел с самого начала - в Шадринский пединститут. Меня с пятерками все же приняли туда, хотя отцу пришлось достаточно поунижаться. Он был как всегда прав. В ШГПИ я с первого дня оказался среди своих. Это не смешивание цемента с утра до вечера, не ползание по оврагам с теодолитом. Это моя жизнь- школа! Мне отца провести не удавалось никогда.

Отец всегда рядом. Работая в школе, с тем же коллективом, большинство из которого работали с отцом, я чувствовал его всегда рядом. Это было очень трудно, ибо куда уж мне было до него. Конечно же, ошибок мною было понаделано намного больше, чем виделось, чем надо бы. Но это был мой коллектив, это была моя школа, и не мог работать спустя рукава. За свой труд в ДСШ мне не стыдно. Но постоянное напряжение быть в форме, видимо, утомило. И эмиграция на Алтай была хоть и спонтанна, но необходима. Мне не стыдно за свой труд никогда. Работать вдвое больше положенного - уже привычка. Это от него. Отец всегда рядом. Он со мной.

Прощание. Ранение в голову сказалось на сорок седьмом году жизни. Впрочем, оно сказывалось всегда. Не зря отец редко спал, часто болела голова. В конце концов мозг не выдержал многолетнего перенапряжения. Сбои в речи, в движениях. Лечился долго, мучительно. После последней операции в Челябинске, отец больше не встал. Еще долго недвижимый он лежал дома. 10 июля 1970 г. мы остались без отца. Хоронил Степана Иосифовича весь город. Помню длинную траурную колонну до кладбища за железной дорогой. Недолго после этого прожили и бабушка с мамой.

Мы рано остались без родителей. Сестра, Ирина, очень тяжело перенесла смерть родителей, я уже был повзрослее. Но выдержали. Нам было бы во много раз труднее, если бы не помощь друзей отца и мамы. Михалева А.А., Буракова М.Д., все учителя ДСШ всегда были рядом. Их помощь, поддержка держали нас на плаву, не давали скисать, подталкивали к активной жизни. Не знаю, оправдали ли мы их заботу. Но вот сейчас я думаю, а какими бы мы стали, если бы не они? Если бы не Анна Александровна и Мария Дмитриевна? Смогли ли бы мы выдержать свалившуюся на нас долю?

Думаю, что смогли бы, конечно, но это была бы другая жизнь и с другими итогами. Отец был всегда в трудах и поисках, стали такими и мы.